

Глава 6 - Придётся семье Хэ менять фамилию на Нин?

— Дело в том, что шестому брату незачем разыгрывать такие спектакли, — напрямик заявил младший, Хэ Жучжу, одновременно высказывая общее отношение семьи к Нин Ичу. — Подумаешь, Нин Ичу. Зачем шестому брату столько стараний ради такого?

— Бабушка, ты правда не вмешаешься? Если ты скажешь слово, Шисяй точно послушается, — произнёс второй, Хэ Жусун. — Что бы он ни думал, с акциями правда нельзя так шутить.

— Вообще-то это дело и нас, братьев и сестёр, особо не касается. Из всех внуков акции при совершеннолетию получили только старшая сестра и Шисяй. У остальных нет ничего — даже у нашего папы, вашего с дедушкой родного сына, нет ни одной. Даже если Шисяй не отдаст акции кому-то другому, нам они всё равно не достанутся.

— Мы тревожимся только ради блага семьи Хэ. Смена акционера — не мелочь, о такой вещи даже говорить легкомысленно нелепо, а уж раздавать — и вовсе: раз отдал — не вернёшь. Даже те, кто выйдет замуж в нашу семью по всем правилам, так просто их не получают — а уж Нин Ичу, который добился своего нечестным путём... Разве не так?

Хэ Жусун говорил с серьёзным видом.

Его брат Хэ Жулинь встрял сбоку:

— Эй, второй брат, мы же все свои — не надо такой театральной искренности. Я правда хочу эти акции. Если бы не акции, стал бы я тут время тратить?

Лицо Хэ Жусуна перекошилось.

— Ты... ладно, хоть один честный!

Хэ Жулинь пожал плечами.

— Шисяй с Нин Ичу рано или поздно расстанутся. Если он и правда по глупости отдаст акции сейчас — для семьи это огромные потери. Правда, пока акции у Шисяя, нам тоже особо ничего не светит, но хотя бы они остаются в руках человека с фамилией Хэ. Есть шанс.

— Я не скажу, что не хочу большего — это было бы неискренне, — произнесла Хэ Жусюэ, тоже державшая акции, вполне добродушно. — Но желать одно, а знать своё место — другое. Я на акции Шисяя никогда не рассчитывала. Они его — нет никаких оснований, чтобы они перешли к нам, двоюродным братьям и сёстрам, тем более что у него скоро будет свой ребёнок.

— Если он хочет передать акции законному супругу — у совета директоров нет оснований

возражать, процедура законная. Проблема в том, что нельзя допустить такого прецедента.

Хэ Жусюэ излагала доводы чётко и спокойно — более уравновешенно, чем Хэ Жусун, и серьезнее, чем Хэ Жулинь.

— В нашей «Группе Хэ» сейчас всем управляют тётя Вэйань с мужем. В будущем всё, что у них есть, несомненно, перейдёт к их единственному сыну Шисяю. Мы все хотя и носим фамилию Хэ, но мы племянники и племянницы — нам туда нет дороги. Ещё в древние времена, когда родственные связи были крепче некуда, различали основную ветвь и боковые. Нет никакой логики в том, чтобы боковые ветви рассчитывали на долю только потому, что у основной ветви мало потомков.

— Но, если Шисяй сегодня может отдать акции Нин Ичу, что будет дальше? Придётся семье Хэ менять фамилию на Нин?

Хэ Жусюэ умела попасть в самую точку — бабушка и дедушка как раз больше всего опасались именно этого.

Супруги и правда тревожились не столько о конкретных акциях, сколько о том, что Хэ Шисяй по-настоящему пропал — и в будущем целиком передаст дела семьи Хэ постороннему.

Даже если этот посторонний теперь считается членом семьи Хэ и носит в себе наследника Хэ — это всё равно неприемлемо.

Как дедушка, вошедший в семью по браку, и отец Хэ Шисяя — оба со временем получили определённый вес в семейных делах, но всё равно не могли превзойти бабушку и её родную дочь Хэ Вэйань.

Оба старших — и бабушка с дедушкой, и родители Хэ Шисяя — в глубине души рассчитывали, что после родов Нин Ичу разведётся с Хэ Шисяем и навсегда уйдёт из жизни семьи Хэ.

Что касается отношения Хэ Шисяя к Нин Ичу — раньше их это не беспокоило.

Теперь они были совершенно растеряны — никак не могли понять, что произошло с Хэ Шисяем, отчего он так резко, так кардинально изменился, словно в него вселился кто-то другой. Будто ему было важно одно — Нин Ичу.

Пока все болтали, вдруг послышался голос слуги:

— Шестой молодой господин, и-и... молодой господин Нин.

Снаружи было ещё тепло. Семья Хэ пила послеполуденный чай в зимнем саду рядом с

внутренними комнатами, отделённом от главного зала только несколькими стеклянными дверями, оставленными открытыми.

Повернувшись, они увидели: Хэ Шисяй несёт Нин Ичу — бледного — и проходит мимо, направляясь в сторону столовой.

Хэ Жулинь закашлялся, едва не подавившись вином.

— Кхм... кхм... Что я вижу? Нин Ичу на руках у Шисяя? Нашей семье суждено породить великую историю любви — сначала брак, а потом чувства?

Бабушка нахмурилась, глядя на него, потом поставила чашку и встала.

— Надо посмотреть.

Остальные, разумеется, поспешили следом. Второй брат Хэ Жусун остался сзади, поддерживая под руку дедушку, которому было уже за восемьдесят и которому тяжело было ходить.

Бабушка, несмотря на возраст, была бодра и крепка. Она была на три года старше дедушки, вошедшего в семью по браку. Два года назад тяжело болела, но после выздоровления ходила по-прежнему быстро. Сейчас шла впереди, не заставляя молодых слишком замедляться.

Войдя в столовую, все увидели, как Нин Ичу сбрасывает на пол миску с супом из ласточкиных гнёзд.

Суп разлился по полу. Пол в столовой был без ковра, и миска, ударившись о кафельную плитку, разлетелась вдребезги.

Слуги в столовой вздрогнули, кто-то инстинктивно шагнул вперёд убирать.

— Не надо, — Нин Ичу поднял взгляд на Хэ Шисяя, стоявшего рядом. — Я разбил. Убирать — работа мужа, разве нет?

Хэ Шисяй улыбнулся.

— Конечно.

Домочадцы и слуги с округлившимися глазами смотрели, как Хэ Шисяй не только не разозлился, но забрал из рук слуги, уже приготовившегося убирать, полотенце, веник и мусорный совок.

— Шестой молодой господин, ну как же можно вам самому... — слуга быстро опомнился и попытался забрать инвентарь обратно.

Хэ Шисяй покачал головой.

— Я сам. Это ведь моя работа. Иди на кухню и принеси А-Нин что-нибудь другое. Не суп из ласточкиных гнёзд — он его не любит. Я раньше не сказал.

Слуга, всё ещё встревоженный, осторожно покосился на спокойно сидящего Нин Ичу.

— Ты только что выздоровел, поэтому нужно есть лёгкое, но пресная каша — слишком безвкусно... На кухне должна быть готова каша с нежирным мясом. Как насчёт неё? — произнёс Хэ Шисяй мягко, подметая пол.

Нин Ичу неопределённо хмыкнул.

Слуга бросился за кашей. Остальным уходить всей толпой сразу было бы неловко, поэтому они остались стоять в стороне и лишь теперь заметили толпившихся у входа в столовую домочадцев.

Выражения лиц у членов семьи Хэ были весьма сложные.

Бабушка с дедушкой — потрясены и возмущены. Дядя Хэ Динбан — по большей части удивлён. Шестеро детей Хэ Динбана — в основном потрясены, сбиты с толку и захвачены зрелищем.

Хотя прежде все они пренебрегали Нин Ичу, происходящее было настолько неожиданным, что сил выражать личное презрение к нему уже не оставалось.

— Что за переполох?! Шисяй, что ты делаешь?! — Бабушка наконец пришла в себя и широкими шагами вошла в столовую.

Младший, помешанный на интернете Хэ Жучжу, не удержался:

— Шестой брат, у твоей жены, похоже, жар в печени. Может, велеть кухне сварить ему суп из люффы...

Выбор обращения у Хэ Жучжу чуть заметно изогнул уголки губ Хэ Шисяя.

Нин Ичу остался невозмутим.

Остальные не уловили смысла неудачной шутки. Хэ Жуюэ тихо произнесла:

— Суп из ласточкиных гнёзд не хочет есть — и суп из люффы будет? Осторожно: бросит миску в лицо. Хотя ласточкины гнёзда тоже ведь не дешёвизна...

Хэ Жучжу хихикнул:

— Ну, ласточкины гнёзда всё-таки изысканное лакомство...

Дедушка стукнул тростью об пол.

— Что за чушь несёшь? Когда это семья Хэ опустилась до споров о люффе и ласточкиных гнёздах? Болтовня, неудивительно, что твои результаты на вступительных экзаменах такие позорные!

Хэ Жучжу совсем недавно сдал вступительные экзамены — и настолько плохо, что их результаты можно было сразу выбросить в мусор. Чтобы сохранить лицо, семья Хэ, разумеется, не могла позволить ему поступать в отечественные университеты с такими баллами. Ему уже устроили место в зарубежном университете, и в следующем месяце он должен был уехать учиться.

Происходя из семьи, способной смягчить любое его падение, Хэ Жучжу о своих баллах не переживал, но быть при всех отчитанным дедушкой за них ему не понравилось, и он хотел было огрызнуться.

Однако дедушка не стал ждать ответа и посмотрел на Хэ Шисяя, говоря с негодованием:

— Шисяй, вставай. Полы убирать — это твоё дело? Как можно так унижаться перед чужим человеком?!

Хэ Шисяй продолжал спокойно подметать, даже не повернув головы.

— Дедушка, что унижающего в уборке? К тому же этот «чужой человек» — мой законный супруг. По порядку наследования он ближе мне всех, кто здесь есть. Если уж ты не можешь говорить с ним ласково — хотя бы будь вежлив. Не нужно вести себя так странно.

Слова Хэ Шисяя подняли давление дедушке.

Все остальные остолбенели, ещё больше уверившись, что Хэ Шисяя подменили.

— Шисяй, ты понимаешь, что говоришь? Ради какого-то Нин Ичу ты вот так разговариваешь с дедом? — недовольно произнёс Хэ Динбан. — Или он тебя снова чем-то опоил?

Нин Ичу невольно засмеялся.

— Почему не допустить, что он сам по себе с ума сошёл?

— Заткнись! Тебе в этом доме нечего говорить! — взревел Хэ Динбан.

Хэ Шисяй нахмурился.

— Дядя!

— Мы оба люди без кровных связей с семьёй Хэ — почему же вам можно говорить, а мне нет?

— с невинным видом спросил Нин Ичу.

Это разожгло такой пожар, что прежде, чем вспышка улеглась — наступила жуткая тишина.

На миг в столовой воцарилась полная тишина. Даже Хэ Шисяй застыл, осмысляя сказанное.

Первым вышел из ступора и вышел из себя дедушка. Он поднял трость, замахнувшись на Нин Ичу:

— Наглец! Что за чушь ты несёшь?!

Хэ Шисяй быстро встал, заслонил Нин Ичу и перехватил трость.

— Дедушка, пожалуйста, успокойся.

Дедушка задыхался от злости, лицо пошло красными пятнами.

— Хэ Шисяй! Ты твёрдо решил предать семью ради него?

Остальные тоже пришли в себя, и все заговорили разом.

Хэ Динбан выругался:

— Вздор! Мой отец сам вошёл в нашу семью! Моя мать — Хэ! Даже если в молодости моя мать и была с кем-то — я всё равно Хэ по крови!

Его слова одновременно задела обоих его родителей.

Дедушка повернулся и огрел Хэ Динбана тростью.

— Негодяй! В моём возрасте быть оскорблённым собственным сыном за то, что я вошёл в семью жены!

На лице бабушки смешались недоверие и ярость.

— Хэ Динбан, ты чудовище! Что значит «моя мать с кем-то была»? Нин Ичу, на что ты намекаешь? Смеешь бросать грязь на старую женщину? Тебя в семье Нин учили уважать старших?

Хэ Жулинь присвистнул с восхищением.

— Незачем говорить такую совершеннейшую чушь. Шисяй, что именно ты рассказал Нин Ичу о нашей семье? Как он дошёл до такого понимания?

Хэ Динбан и его незаконнорождённые дети пока ещё не думали о проблеме с кровным родством. Как и сам Хэ Динбан сказал: кто отец — может быть под вопросом, но мать не перепутаешь. Если мать правильная — значит, и кровь правильная.

Они инстинктивно решили, что либо Нин Ичу говорит чушь, либо имеет в виду лишь то, что Хэ Динбан не является биологическим сыном обоих — бабушки и дедушки. В крайнем случае, у него нет кровного родства с дедушкой. А раз Нин Ичу не знал семьи Хэ, то мог на миг забыть, что дедушка вошёл в семью по браку, и поэтому сформулировал это как «без кровных связей с семьёй Хэ». Беспокоиться особо не о чем.

Хэ Шисяй на самом деле тоже не знал правды, однако интуиция подсказывала: Нин Ичу не мог ошибиться в сути. Он решил промолчать и встал рядом с ним, не давая другим членам семьи навредить ему в порыве ярости.

Тут как раз подоспел слуга с кашей с овощами и нежирным мясом из кухни. Увидев напряжённое противостояние в столовой, замер на пороге, не зная — войти или отступить, — и затаил дыхание.

Хэ Шисяй жестом подозвал его.

— Неси сюда.

Слуга осторожно приблизился, поставил перед Нин Ичу поднос с миской каши и ложкой, затем быстро отошёл.

Хотелось, конечно, досмотреть до конца, но работа важнее. Такой лакомый скандал из высшего

общества лучше наблюдать с безопасного расстояния.

Нин Ичу помешал кашу ложкой, потом поднял взгляд на вопрошающих членов семьи Хэ и улыбнулся.

— Странно. Неужели вы не поняли? Разве я не сказал, что дядя не имеет кровного родства с семьёй Хэ? То есть дядя — не ваш биологический сын, бабушка. Как это превратилось в то, что я бросаю на вас грязь?

Бабушка глубоко нахмурилась.

Остальные тоже несколько растерялись.

Дедушка отреагировал быстро и бурно.

— Чушь! Тебе место в психиатрической больнице!

Хэ Динбан опомнился следом и заорал:

— Нин Ичу, ты мерзавец, хватит напускать туман...

Хэ Шисяй холодно прервал его.

— Дедушка, дядя, что вы говорите?

Дедушка и Хэ Динбан поперхнулись, но продолжали браниться.

— Хэ Шисяй!

— Ты думаешь, ты здесь хозяин, и никто тебя не угомонит?

— Безмозглый, бессердечный ублюдок...

Бабушка, однако, чуть успокоилась.

— Все замолчите.

Она заставила остальных умолкнуть и повернула взгляд к Нин Ичу, который поднял всю эту суматоху, а теперь невозмутимо ел кашу, словно всё это его не касалось.

— Объяснись ясно, — сказала бабушка. — Ты думаешь, ты знаешь лучше меня — я рожала этого сына или нет?

Нин Ичу проглотил ложку каши, поднял взгляд и улыбнулся.

— Ну, дедушка лучше знает. Воспользовался ли он тем, что вы только что родили и были без сознания, чтобы подменить ребёнка — подсунуть другого.

Для вас старалась команда Webnovels ☐

Заметили опечатку или неточность? Напишите в комментариях — и мы отблагодарим вас бесплатной главой!

<http://bllate.org/book/17086/1598639>